

Мотив призвания героев в древнерусском летописании

Для начального летописания характерен мотив призвания культурных героев — варяжских князей (основателей государства) и солунских братьев — создателей славянской письменности. Мотив призвания связан с осмыслением культурных достижений славянства — существования Русской земли, объединившей племена, и использования письменности (в известном летописцу договоре с греками 911 г.). Тенденциозное переосмысление мотивов начального летописания увязывается со становлением средневековых генеалогий (возведением русской династии к Августу), представлением о приоритете княжеской власти в эпоху формирования самодержавной идеологии и литературного вымысла.

Хрестоматийный летописный текст легенды о призвании варяжских князей, помещенный составителем Повести временных лет (ПВЛ) — летописи конца XI в. в статью 862 г., вызывает традиционный скептицизм как в отношении содержания легенды, так и в отношении датировки. Действительно, романтические попытки отыскать следы дохристианских русских летописей оставлены современной наукой: у составителя ПВЛ были источники, определенные еще А.А. Шахматовым, — византийский хронограф и созданное последователями Кирилла и Мефодия «Сказание о преложении книг на словенский язык»¹. Точных дат в источниках русского летописца не было, русь не входила в состав народов, первыми получивших словенскую письменность, но византийская традиция сохранила известие о походе руси на Царьград, состоявшемся в царствование Михаила III (842–867), и это давало возможность составителю ПВЛ найти точку отсчета — начала русской истории и «развернуть» события таким образом, который казался естественным для историка XI в. С этой точки зрения поход требовал объединенных усилий всей Русской земли — первым делом Киева и Новгорода (как это было во время последнего похода руси в 1044 г.), стало быть, нужно было уме-

стить в летописи повествование о начале русской истории, отталкиваясь от конца правления Михаила. Летописец поместил под 866 г. известие о походе на Царьград Аскольда и Дира из Киева, изобразив их боярами призванного в Новгород князя Рюрика, от 866 г. отсчитал необходимое время, чтобы добраться из Новгорода до Киева и собрать там войско для похода, — отсюда юбилейная дата 862 г. (близкая к реальной дате первого похода руси на Царьград в 860 г.).

Царствование Михаила ознаменовано, однако, еще одним событием, привлечшим, пожалуй, не меньший интерес летописца, чем призвание князей. Это было призвание Константина и Мефодия к дунайским славянам, в Моравию. То был некий летописный топос, ибо слова варяжской легенды: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте княжить и володѣти нами»² соответствовали формуле призвания учителей — «Земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже бы наказаль и поучаль насъ»³. Историческая дата призвания учителей остается неизвестной, и сам текст «Сказания о преложении книг» оказался парадоксальным образом перенесен из контекста летописных известий, связанных с царствованием Михаила, в контекст иного царствования — Льва и Александра, в летописную статью 898 г. В Повести временных лет угадывается место, где должен был быть помещен рассказ о кирилло-мефодиевской миссии: в лишенном погодных дат космографическом введении к летописи после рассказа о расселении славянских племен содержится фраза «и тако разидеся словѣньский языкъ, тѣмъ же и грамота прозвася словѣньская»⁴.

Далее, однако, в тексте летописи следует вставка, повествующая о полянах, пути из варяг в греки и путешествии по нему апостола Андрея через будущие Киев и Новгород. Перекройка летописного текста представляется не менее очевидной и потому, что рассказ о моравской миссии в статье 898 г. пред-

варяется информацией о расселившихся по Дунаю словенах, которых подчинили венгры (угры): «морава, и чеси... и поляне, яже нынѣ зовомая Русь»⁵. Последний пассаж вызывал энтузиазм сторонников славянского — полянского происхождения имени русь, усматривавших в переключке летописного текста злостный умысел редактора летописи, подменившего исконную версию автохтонного славянского происхождения руси «реакционной норманской теорией» о ее заморском — варяжском происхождении. Этот энтузиазм безоснователен, поскольку рассказ о моравской миссии завершается утверждением: «А словенский языкъ и руский одно есть, от варягъ бо прозвашася русью, а первое бѣша словене»⁶, т.е. русью поляне прозвались «ныне» — уже ко времени составления летописи.

И все же что-то заставило летописца пойти на вопиющий анахронизм и переместить рассказ о моравской миссии под 898 г. Формально контекст статьи 898 г. давал повод для поминания миссии солунских братьев, ибо речь шла о походе венгров-угров мимо Киева, где обосновался со своими варягами и словенами Вещий Олег, к Угорским горам — Карпатам и далее — в Моравию, Фракию и Македонию, вплоть до самой Солуни. В схожей последовательности распространялась и славянская грамота: «Симъ бо первое преложены книги моравѣ, яже прозвася грамота словѣньская, яже грамота есть в Руси и в болгарѣх дунайскихъ»⁷.

Итак, проблема была в появлении «словенской грамоты» на Руси, и она встала перед летописцем, когда он нашел в княжеском архиве договор руси с греками, заключенный Олегом с кесарями Львом и Александром в 911 г., после легендарного похода руси на Царьград. С тех пор целый комплекс проблем стоит и перед исследователями летописи и самого договора: судя по языку договора, относящегося к XI в., трудно предполагать наличие «синхронного» славянского (болгарского, как думал С.П. Обнорский) перевода 911 г. Вместе с тем список послов, заключающих договор, — «мы от рода русаго, Карлы, Инегельдъ, Фарлоф, Веремуд, Рулавъ»⁸ и т.д. свидетельствует о сохранении «варяжского» ономастикона в славянской передаче; более того, летописец оперировал этими именами при создании «предварительного» договора 907 г., сократив список послов; так или иначе, у составителя ПВЛ были

все основания считать, что словенская грамота стала доступной варяжской руси уже при Олеге, задолго до крещения при Владимире и «списания» книг при Ярославе. Отсюда стремление сблизить русь и дунайских славян, вплоть до отождествления (посредством омонимии) полян Великопольши и киевских полян, «яже ныне зовомая Русь», и помещенные рассказы о моравской миссии в контекст правления Олега на Руси, Льва и Александра — в Византии.

Насколько упомянутые варяги Карл(ы), Инегельдъ, Фарлоф и прочие могли овладеть тем словенским языком, которому суждено было стать русским? Словене еще противопоставлялись руси в описании похода Олега на Царьград; но перед рассказом о драгоценных парусах, которые были даны руси, но не даны словенам, летописец утверждает, что мужи Олега «по Рускому закону кляшася оружием своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ скотьемъ богомъ»⁹. Оба божества были славянскими и даже праславянскими¹⁰, стало быть, «русский закон» ориентировался на обычаи славян (варяжской могла быть разве что клятва на оружии¹¹), скандинавские боги Один, Тор и Фрейр остались за морем и отношения к предприятиям восточноевропейской руси не имели.

Это позволяет нам вернуться к варяжской легенде, утверждающей, что варяжские князья были призваны править «по ряду, по праву», то есть в соответствии с формирующейся словенской новгородской традицией, на чем специально настаивает В.Л.Янин¹². Почему в таком случае в славянском и международном праве, равно как и в этнической истории, распространилось заморское имя русь? Дело в составе призывающих племен: словене, кривичи, чудь и меря. Недаром словене прозвались согласно летописи «своим» дунайским именем, расселившись рядом с чудью — «чужим» языком. Возможна ли была при традиционной для родоплеменного общества некая межплеменная конфедерация, объединявшая славяно- и финноязычные племена и призывавшая варягов, согласно концепции В.Т.Пашуто?¹³ Археология демонстрирует совместное проживание выходцев из разных финских и славянских земель, из Прибалтики и Скандинавии в формирующихся в Поволховье городских центрах. Это Ладога (с VIII в.) и Новгород (Городище, с середины IX в.); в историографии продолжается полемика по поводу того, можно ли счи-

тать эти поселения городами, каковыми их называет летопись, или корректнее говорить (в соответствии с традициями формационного подхода) о «предгородах», «протогородах» и т.п. Весьма показательная категория археологических находок позволяет ответить на этот вопрос. Речь идет о кладах восточных монет IX в., обнаруженных в Ладого и на Городище. Наличие кладов арабских дирхемов свидетельствует не только об участии населения Поволховья в трансконтинентальной торговле: оно свидетельствует о накоплении прибавочного продукта, перераспределяемого на поселениях, которые, в соответствии с тем же формационным подходом, должны считаться городами.

Трансконтинентальная торговля, благодаря которой потоки арабского серебра на рубеже VIII и IX вв. достигли севера Восточной Европы и Скандинавии, во многом объясняет (усилиями нумизматов) историческую ситуацию в этих регионах. Возможности этой торговли открылись во второй половине VIII в., когда прекратились арабо-хазарские войны. Тогда некие купцы *ар-рус* двинулись со своими товарами (мехами и рабами) на рынки Ближнего Востока и Византии, используя славян как переводчиков — т.е. понимая славянский язык (по данным Ибн Хордадбега, относящимся к 840-м гг.). Трансконтинентальные маршруты (по рекам Восточной Европы) были освоены еще в эпоху Великого переселения народов славянами, готами и герулами, движение же через Западную Европу в VIII–X вв. осложняла империя Каролингов, естественно не желавшая пропускать начавших свои разрушительные рейды викингов к международным рынкам, продавать им оружие и т.п. Не удалась и попытка пройти через территорию империи Каролингов «послам народа Рос» в 839 г., когда император, узнавший что они происходят из «народа свеонов», задержал их как шпионов.

Это во многом предопределило различие между викингами на западе и русью на востоке Европы. Слово *викинг* — «участник похода на морских судах» отразилось в славянских языках благодаря взаимодействию с пруссами на Балтике: прусская элита восприняла это слово как *витинг*, в качестве самоназвания, что в славянских языках дало слово *витязь*. В Восточной Европе выходцы из Скандинавии (преимущественно из Средней Швеции) именовали себя *русью*. В «автохтонистской» официальной историографии про-

должаются бесконечные попытки привязать это слово к восточноевропейским или, по крайней мере, славянским (лишь бы не скандинавским) общностям или реалиям (вроде речки Рось в Поднепровье или острова Рюген на Балтике), хотя со времен Г.Ф. Миллера известно, что в прибалтийско-финских языках, в том числе в языке призывавшей варяжскую русь чуди, Швеция именуется *Ruotsi/Rootsi*, что в славянском дает имя *Русь*. Значение этого имени также известно со времен В. Томсена — оно означает «гребцов», «участников похода на гребных судах»: на иных судах по рекам Восточной Европы и через волоки пройти было невозможно.

Те же обстоятельства — труднопроходимые речные дороги — объясняют необходимость *ряда* — договора между русью и племенами, населявшими речные бассейны. Летописный ряд — добровольное призвание заморских правителей — вызывает в традиционной историографии наибольшее неприятие¹⁴. Противоположным со времен М.В. Ломоносова считалось призвание иноземцев — варягов, только что изгнанных их восточноевропейскими данниками. Отношение к раннесредневековым историческим сюжетам, как к вымыслу, и стремление их «исправить» было свойственно эпохе становления национальных историографий¹⁵: во французской историографии XVII в. подобную интерпретацию получил сюжет об изгнании франками распутного короля Хильдерика у Григория Турского¹⁶ и избрании королем римлянина Эгидия; Хильдерик, однако, вернул власть при помощи своих сторонников (от его брака с похищенной им королевой Тюрингии родился знаменитый король Хлодвиг); историографы XVII в. понимали этот сюжет как возвращение «истинного прирожденного сеньора», изгнавшего «горделивого чужестранца»-тирана (о чем не было речи у Григория Турского)¹⁷.

Что касается древнерусской традиции, то очевидно, что две древнерусские концепции происхождения власти, которые В.О. Ключевский¹⁸ именовал «гражданским договором» и «личным подданством», а Ю.М. Лотман¹⁹ назвал «договором» и «вручением себя» («наградой»), не сменили одна другую, а сосуществовали в противоречивом и даже конфликтном единстве: легенда о призвании князей повествует о том, как племена Новгородчины «вручили себя» власти князей по договору — «ряду». Эта ситуация не была

специфична для Руси, как и сами две концепции власти — еще Томас Гоббс выделял две основные «формы правления»: «содружество» и «патримониальную (вотчинную) монархию», возникающую в результате завоевания одним народом другого²⁰. В представлении Ключевского ряд о призвании князей лишь прикрывал варяжское завоевание: но при этом великий историк вслед за летописцем видел в начальной руси народ, а не дружину. «„Добровольное предание“ народа под власть каких-либо правителей в высшей степени невероятно в истории любого народа. Сочинение таких легенд, — писал уже С.Я. Лурье, — типично для представителей власти — естественно поэтому отнести к источнику, содержащему подобный рассказ, с недоверием и заподозрить его в тенденциозности. Но последнее слово в решении данного вопроса будет принадлежать все-таки источниковедческому исследованию»²¹. «Экзогенному» происхождению князей и государственного аппарата до сих пор придается особое значение в судьбах Руси (и последующих судьбах России): нераздельное владение всей землей («всей Русью») целым *родом князей* — коллективный сюзеренитет, изначальное отсутствие наследственных уделов — отчин (вотчин) приводило к неразличению публичного (государственного) и частного права и сама государственная власть воспринималась как «частное» (семейное, родовое) право²².

Источниковедение варяжской легенды после специальных работ А.А. Шахматова²³, К. Тиандера²⁴ и других связано по преимуществу с тиражированием сюжетных параллелей: в последней работе Д.С. Николаева²⁵ предлагается как наиболее близкая древнеирландская параллель, где главным мотивом призвания оказывается мотив права: при этом, в отличие от летописи, его носителями являются призванные правители, но не подданные. Ставится даже неразрешимый вопрос об общих индоевропейских истоках сюжета²⁶: действительно, мотив трех братьев, делящих власть по праву, оказывается едва ли не универсальным²⁷, а трифункциональная система, исследованная Ж. Дюмезилем, также известна отнюдь не только индоевропейцам²⁸. Доминанта права, носителем которого является князь, представляется исконной новгородской традицией. Но если обратиться собственно к источниковедению — летописным текстам, то следует отметить, что ПВЛ

начинается с легенды о призвании варягов (и солунских братьев) и завершается призванием и правлением Владимира Мономаха в Киеве (под 1113–1117 гг.). После смерти Святополка «свѣтъ створиша кияне, послаша к Володимеру, глаголюще: „Поиди, княже, на столъ отень и дедень“»²⁹. Владимир выжидал, «жаля си по братѣ», и лишь после восстания киевлян и вторичного призвания (с угрозой разграбления имущества княжеской ятрови, бояр и монастырей) явился на стол отца и «дедов», усмирил мятеж, дав новый «устав» — снизив ростовщический процент. Традиционно это воспринимается историографией, как некая расположенность Мономаха к «низам», подданным³⁰, но, скорее, князь должен был проявлять заботу о дееспособных свободных налогоплательщиках. Впрочем, ориентация на интересы подданных-налогоплательщиков характерна для древнерусского периода в целом: по данным Константина Багрянородного в середине X в. русь и ее князя *покупали* у подданных славян одноподдерки для похода на Византию³¹.

Можно заметить, что славяне были мастерами в организации передвижения по рекам и речным переправам еще на Дунае и на Балканах; недаром пришедший с Дуная Кий был поименован в ПВЛ *перевозчиком* через Днепр. Наличие кладов серебра на берегах судоходных рек демонстрирует, что услуги по транспортировке (и поставке?) судов оплачивались. Кризисы в поступлении серебра, фиксируемые нумизматами, показывают, что ситуация в Восточной Европе отнюдь не была бесконфликтной. Еще в 1972 г. ленинградский нумизмат В.М. Потин обратил внимание на кризис в поступлении восточного серебра, относящийся к середине IX в., и соотнес его с летописным известием об изгнании варягов, собиравших дань с тех племен, которые затем призвали варяжскую русь; в 860-е гг. приток серебра возобновляется (клады появляются на новгородском Городище)³². Ситуация конфликта «недостачи ценностей», традиционная для этиологических сюжетов, характеризует летописные правовые и «культурные» тексты: ср. конфликт родоплеменного и государственного права, разразившийся после убийства Игоря и урегулированный «реформой» Ольги; введение «Русской правды» после конфликта варягов со словенцами в Новгороде³³. «Недостача» декларируется и в летописном «Сказании о преложении книг», где славянские князья говорят о своих поддан-

ных: «Не разумеѣм бо ни гречьску языку, ни латыньску; они бо ны онако учать, а они бо ны и онако. Тѣм же не разумѣемь книжнаго образа ни силы ихъ. И послете ны учителя...»³⁴ Сюжет призвания культурных героев, которые должны восполнить «недостачу» — права или грамоты, — характерен для эпохи становления славянской — древнерусской книжности. Для летописца важен был статус именно русского языка — языка летописи и договора 911 г., тождественного языку «Сказания о преложении книг»: он и завершает рассказ о «преложении» декларацией этого тождества: «А словенский языкъ и руский одно есть, от варягъ бо прозвашася русью, а первое бѣша словене»³⁵. Русский язык (язык летописи и права — «Русской правды») стал культурной основой русской государственности.

Русь (Русская земля) — нейтральное в этническом отношении имя, известное и финнам и славянам, оказалось чрезвычайно устойчивым феноменом в истории Восточной Европы в немалой степени благодаря культурной и даже культовой составляющей. «Русская вера» и русский язык, в основе которых была кирилло-мефодиевская традиция, способствовали сохранению этого имени и самосознания, несмотря на бесконечные попытки разделов Русской земли самими русскими князьями, монгольское и литовское завоевания.

В позднем Средневековье отношение к легенде о призвании варягов стало иным: экзогенное происхождение руси стало «формализованным» — призванные князья «поидоша из Немець»³⁶, хотя Никоновская летопись цитировала слова ПВЛ о единстве словенского и русского языков; на своем немецком происхождении настаивал и предпоследний Рюрикovich на престоле — Иван IV. Для эпохи становления московского «самодержавства» важнее была генеалогическая связь с признанными в Европе правителями — общими культурными героями, каковым для христианского мира был Август. Имя *Русь* сменило византийское имя *Россия*³⁷. В XV в. в Новгороде и Москве создаются, по выражению Я.С. Лурье, «две истории Руси», каждая из которых основывается на приоритете собственных традиций. Для Новгорода это исконная власть посадника и веча — список новгородских посадников возглавляет «древний» Гостомысл, персонаж с искусственным именем, не соотносящийся в Новгородской пер-

вой летописи ни с какими историческими событиями. Московская историография в «Сказании о князьях Владимирских» (первая четверть XVI в.) «переигрывает» Новгород, на основании этимологической конструкции (Гостомысл — «мыслящий о гостях») превращая «воеводу» (но не посадника!) Гостомысла в инициатора призвания великого князя Рюрика «от рода Августа» из Прусской земли³⁸.

Трансформация историографической традиции приводит к тому, что интерпретация древнего предания, доступная древнерусским летописцам, заменяется не столько домыслом, сколько *вымыслом* — таков был путь становления литературы нового времени. Е.К. Ромодановская вслед за Д.С. Лихачевым исследовала историческую природу вымысла в древнерусской историографии, отчасти реабилитируя «романтический» образ летописца. Древнерусскому писателю было свойственно стремление к «правдивости». «Вымысел» был невозможен, пока существовали независимые политические оппоненты и противники (летописание, как считается со времен Шахматова, велось в разных древнерусских центрах с самого начала — в Киеве и Новгороде). «Как только Москва подчиняет себе последнее „вольное“ княжество — Новгородское, оказывается сломанной система „правдивого“ официального летописания. Придворная историография начинает фиксировать лишь то, что необходимо великокняжеской власти, и впервые получает возможность вводить „государственный вымысел“ (термин Д.С. Лихачева) в историю, политическую легенду, публицистику» — речь идет о «Сказании о князьях Владимирских», конструкциях, связанных с идеей «Москва — третий Рим» в историческом повествовании XVI в.³⁹

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шахматов А.А. Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 4. С. 5–150.

² Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1996. С. 13. Далее — ПВЛ.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Там же. С. 15.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Там же. С. 15.

⁸ Там же. С. 18.

- ⁹ Там же. С. 17.
- ¹⁰ Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- ¹¹ Мансикка В.Й. Религия восточных славян. М., 2005. С. 281–294.
- ¹² Янин В.Л. Средневековый Новгород. М., 2004.
- ¹³ Паушто В.Т. Русь. Прибалтика. Папство // Древнейшие государства Восточной Европы: 2008. М., 2011. С. 167–177.
- ¹⁴ См.: Петрухин В.Я. Призвание варягов: историко-археологический контекст // Древнейшие государства Восточной Европы: 2005. М., 2008. С. 33–46.
- ¹⁵ Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге нового времени. Новосибирск, 1994.
- ¹⁶ Турский Григорий. История франков. М., 1987. Кн. 2, гл. 12. С. 41.
- ¹⁷ Арьес Ф. Время истории. М., 2011. С. 138–140.
- ¹⁸ Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М., 1989. Т. 6. С. 280.
- ¹⁹ Лотман Ю.М. Очерки по русской культуре XVIII века // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 4. С. 27 и далее.
- ²⁰ Пайтс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 50.
- ²¹ Лурье С.Я. Избранные статьи и письма. СПб., 2011. С. 17.
- ²² Пайтс Р. Россия при старом режиме. С. 50.
- ²³ Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов // Изв. ОРЯС. СПб., 1904. Т. 9, кн. 4.
- ²⁴ Тиандер К. Датско-русские исследования. СПб., 1915. Т. 3.
- ²⁵ Николаев Д.С. Легенда о призвании варягов и проблема легитимности власти в раннесредневековой историографии // Именослов. История языка. История культуры. М., 2012. С. 184–199.
- ²⁶ Николаев Д.С. Легенда о призвании варягов... С. 196.
- ²⁷ Мисюгин В.М. Три брата. СПб., 2009.
- ²⁸ Существенной для текстологии европейских хроник и летописей, ориентированных на библейскую традицию, представляется приведенная Николаевым (Николаев Д.С. Легенда о призвании варягов... С. 188) параллель англо-саксонской легенде Видукинда из Вульгаты: in terram latam et spatiosam (Is 22:18), ср.: «великую и обильную землю» ПВЛ. Впрочем, это топоним, свойственный средневековой латинской риторике в целом; ср.: Махов А.Е. Средневековый образ между теологией и риторикой. М., 2011. С. 197.
- ²⁹ ПВЛ. С. 126.
- ³⁰ Ср. комментарий Д.С. Лихачева: ПВЛ. С. 545.
- ³¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. Гл. 9.
- ³² Потин В.М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX–XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970. С. 68–69.
- ³³ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Москва; Смоленск, 1995. С. 143–153.
- ³⁴ ПВЛ. С. 15.
- ³⁵ ПВЛ. С. 16. В переводах летописного текста на современный русский для лексемы «язык» предпочитают значение «народ» (ПВЛ. С. 152), хотя далее говорится именно о языке — речи: «аще и поляне звахуса, но словеньскаа речь бе».
- ³⁶ ПСРЛ. Т. 9; Никоновская летопись. М., 2000. С. 9.
- ³⁷ Соловьев А.В. Византийское имя России // Византийский временник. 1958. Т. 12. С. 234–255.
- ³⁸ Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 9. С. 282.
- ³⁹ Ромодановская Е.К. Русская литература... С. 61–62.